

—

«Я должен был прийти навестить тебя раньше, но в эти дни было много дел, и у меня не нашлось времени. Я привез немного выпечки и еды, посмотри, нравится ли тебе».

Юй Эрлан передал Цзи Таоюю несколько свертков, которые он держал.

«Спасибо, брат Эрлан».

Цзи Янцзун, видя, как хорошо они ладят, расплылся в довольной улыбке старого отца.

Повернувшись, он вспомнил о Хо Шу, который стоял во дворе, и подошел, спрашивая: «Могу ли я узнать, в чем дело, доблестный господин Хо?»

Хо Шу мельком взглянул на Цзи Таоюю и сказал: «Ничего особенного, у старосты есть гости, я зайду в следующий раз».

Сказав это, он сложил руки в приветствии и ушел.

Юй Линсяо впервые видел Хо Шу. Когда тот проходил мимо, он почувствовал легкий ветерок. Хотя он сам был статным, он оказался на полголовы ниже этого человека.

Он невольно спросил: «Дядя Цзи, кто это был сейчас?»

«В последнее время вернулось много солдат с границы, верно? Это боевой товарищ Чжао Чансуя. Чансуй погиб, и он специально пришел к семье Чжао, чтобы передать вещи, которые Чансуй имел при жизни».

Цзи Янцзун был немного удивлен, почему Хо Шу пришел, ничего не сказал и ушел, но когда Юй Линсяо спросил, он ответил, не упоминая о том, как Таоюй упал в воду и Хо Шу спас его.

Брови Юй Линсяо слегка дрогнули: «Действительно, человек с сильным чувством долга».

Затем он снова повернулся к Цзи Таоюю и мягко сказал: «Просто мне кажется, что у этого человека суровое лицо, вероятно, он много проливал кровь на передовой. Такие люди неизбежно бывают жестокими. И солдаты грубы и бесцеремонны, в будущем, если ты его снова увидишь, старайся избегать, чтобы не столкнуться с недобрыми намерениями».

Брови Цзи Таоюя слегка нахмурились, он был несколько удивлен, что Юй Линсяо так

пренебрежительно относится к пограничным солдатам, и не удержался, сказав: «Я знаю, что брат Эрлан заботится обо мне, но солдаты, охраняющие границу, защищают страну, а также передают вещи своим товарищам, должно быть, они верные и честные люди».

Юй Линсяо засмеялся, словно считая Цзи Таоюя слишком наивным.

«Ты мало видел людей, поэтому не знаешь, как коварны сердца. Эти пограничники неграмотны, и люди, не читавшие книг, в основном грубы и не соблюдают приличия. Даже те военачальники, которые заседают при дворе, по большей части уступают гражданским чиновникам. Они полагаются на грубую силу и кровь, чтобы добиться славы, и у них вообще нет никакой честности. Если даже чиновники при дворе таковы, то что говорить о самых низших солдатах?»

Брови Цзи Таоюя нахмурились еще сильнее, он уже собирался заговорить, но Цзи Янцзун опередил его: «Хорошо, скорее заходите в дом. Я знаю, вы давно не виделись и вам есть о чем поговорить, но нет смысла стоять и разговаривать на улице».

Увидев это, Цзи Таоюй неохотно поджал губы: «Брат Эрлан, проходи в дом».

Юй Линсяо тем временем в приподнятом настроении встряхнул рукавами: «Хорошо».

Хо Шу как раз подошел к двери дома Чжао, когда начал накрапывать дождь.

Осенний дождь не был сильным, но мелкие капли, занесенные ветром, вызывали озноб.

Во дворе росло персиковое дерево толщиной в предплечье, его редкие листья шуршали на ветру.

Хо Шу рассеянно размышлял над словами, которые сегодня сказал ему Таоюй.

Если он собирается остаться, ему действительно стоит подумать о репутации матери Чансуя, и предложение Таоюя, несомненно, было выходом.

Но он привык к вольной и свободной жизни одиночки, и ему было трудно сразу же связать себя обязательствами, он не был уверен.

Пока он размышлял, лицо Юй Линсяо и сцена его разговора с Цзи Таоюем то и дело мелькали в его голове.

Они были примерно одного возраста, оба выглядели хорошо, и когда они стояли рядом, они действительно казались подходящей парой.

Неудивительно, что Цзи Таоюй так строго придерживался приличий и думал о своем брачном договоре.

Он без причины чувствовал сильное раздражение.

«А-Шу, ты куда-то уходил?»

Услышав это, Хо Шу обернулся и увидел мать Чжао, которая держала в руках два отреза ткани и спешила к воротам своего двора.

«Хорошо, что вернулась на телеге, иначе попала бы под дождь».

Хо Шу, увидев это, придержал ворота двора, дожидаясь, пока мать Чжао войдет в дом.

«Сегодня я купила два отреза ткани, в магазине сказали, что это самая модная ткань в этом году, и выглядит она действительно хорошо».

Мать Чжао положила ткань на стол и пошла разгружать полную корзину.

«Купила еще немного риса, масла и соли. Думала, что купила не так много вещей, а корзина оказалась полностью набита».

Хо Шу видел, как мать Чжао радостно болтала, совсем как его мать, когда она возвращалась из уезда в юности.

Он не ответил, но вдруг сказал: «Тетушка, я хочу кое-что вам сказать».

Рука матери Чжао, заворачивавшая соль в промасленную бумагу, замерла. Она отложила вещи, выпрямилась и посмотрела на Хо Шу:

«Что случилось? Неужели... собираешься уходить?»

В эти годы она привыкла жить одна, но на праздники, видя, как семьи собираются вместе, даже если они были бедны, они все равно были вместе.

Всякий раз, видя это, как можно было не чувствовать себя печальной.

Известий о Чансуе не было год за годом, а тело ее мужа становилось все хуже год за годом. Она уже давно знала, что ее сын, вероятно, погиб, и ее муж не протянет долго.

Пока не настал этот день.

Ночью она не раз ворочалась без сна. При таком положении вещей, если бы она умерла на обочине дороги, некому было бы даже забрать ее тело.

Пока не пришел Хо Шу. В доме появилась некоторая оживленность, у нее появились дела, и появилась какая-то надежда.

Но она также знала, что Хо Шу был с севера и в конце концов уйдет.

Она не ожидала, что он уйдет так скоро.

«Видно, что после осени скоро наступит зима, и тебе будет трудно в дороге. Почему бы не остаться на юге до конца года, а потом уехать весной следующего года, когда дорога станет лучше».

Юань Хуэйжу сердечно убеждала его.

Хо Шу, услышав это, покачал головой: «Я не об этом. Сегодня мне сказали, что в деревне много сплетен, и мне так жить не подходит. Я имею в виду, тетушка, если вы согласны, я хотел бы признать вас своей приемной матерью».

«Хотя я с северных земель, мои родители давно умерли. Моя прежняя родина теперь вражеская территория, и я изначально не думал возвращаться домой. Мир велик, я могу обосноваться где угодно после окончания войны. У меня с Чансуем были отношения как у боевых товарищей, и я хотел бы позаботиться о вас в старости».

Он внезапно принял решение, видя, как мать Чжао внезапно все не так поняла.

Тунчжоу действительно хорошее место. Хотя там много правил приличия, он также удобен и беззаботен.

Мать Чжао теперь осталась бездетной, одинокая женщина, которая вряд ли снова выйдет замуж.

Даже старый вдовец в старости несчастен, не говоря уже о женщине.

Даже если у нее есть деньги, в конце концов, ее могут заметить люди с недобрыми намерениями. Более того, мать Чжао действительно хорошо к нему относилась.

Если он собирается поселиться здесь, кажется, это тоже возможно.

Отступив на шаг, если он действительно хочет путешествовать по миру, он может уйти после смерти матери Чжао.

Он не был нерешительным человеком, хотя и размышлял, но принимая решения, он был тверд.

Все повернулось так резко, что Юань Хуэйжу на мгновение даже не могла прийти в себя: «Ты, ты серьезно?»

«Да».

На лице Юань Хуэйжу, которая колебалась, внезапно появилась улыбка: «Хорошо, хорошо».

Она постоянно кивала: «У тебя есть такие намерения, и я очень счастлива».

Юань Хуэйжу обрадовалась до слез: «Когда погода станет лучше, отремонтируем дом, и впредь ты будешь здесь хорошо жить».

«В конце года я пойду и куплю несколько му земли, нет, нет, как ты скажешь, если ты хочешь заниматься земледелием, я куплю еще пару му. Если ты хочешь найти работу в городе или иметь какой-то другой способ зарабатывать на жизнь, это тоже нормально!»

Хо Шу видел, как мать Чжао уже начала планировать будущее, и она была действительно счастлива от души, и в его сердце тоже было какое-то волнение.

Он не мог не вспомнить, как Чжао Чансуй скучал по родителям в армии в те годы, и узнав, что его родители оба умерли, он утешал его, говоря, что его родители отныне тоже будут его родителями.

«В этом нет необходимости торопиться, можно пригласить старейшин деревни для свидетельства».

Юань Хуэйжу сказала: «Хорошо, я сейчас же пойду приглашу людей. Потом еще придется просить старосту зарегистрировать, объявить, дел еще много».

Она взволнованно подошла к двери, посмотрела на усилившийся дождь снаружи и внезапно сказала: «Смотри, я совсем запуталась, все готовятся обедать, как же сейчас идти, надо быстрее приготовить обед, а потом идти приглашать людей!»

Хо Шу успокоил Юань Хуэйжу, сказав, что не нужно спешить.

Осенний дождь шел довольно долго. После обеда вода с крыши дома Цзи уже текла ровными

струями.

Вода со всех сторон собиралась к центру, во внутреннем дворике уже образовался неглубокий слой воды.

«Дядя, тетушка, уже поздно, дома много дел, я пойду первым, чтобы все уладить. Надеюсь, дядя и тетушка придут выпить вина и пообщаться через пару дней на пиру».

Цзи Янцзун, услышав это, сказал: «Уже уходишь? Сильный дождь, почему бы не подождать, пока он немного стихнет, а потом возвращаться?»

«До деревни всего несколько шагов, дождь не страшен, но в последнее время много всяких мелочей. Среди одноклассников немало тех, кто сдал экзамены, и мне нужно подготовить подарки, чтобы поздравить их».

Раз уж он сказал это, Цзи Янцзуну было неудобно его удерживать и он сказал: «Тогда я провожу тебя».

«А Таоюй?»

После еды Тао гер и Хуан Маньцзин убирали посуду на кухне и больше не возвращались, Юй Линсяо не удержался и спросил.

Цзи Янцзун изначально думал, что Юй Линсяо пришел поговорить о свадьбе, но тот не сказал ни слова.

Цзи Янцзун подумал, что если он не скажет, то он сам спросит без стеснения, но прежде чем он успел открыть рот, Юй Линсяо уже попрощался и собирался уходить.

Увидев это, он почувствовал небольшое недовольство.

Теперь он еще и хотел, чтобы Сяо Таоцзы проводил его, Цзи Янцзун, конечно, не стал идти ему навстречу: «Дождь сильный, Сяо Таоцзы боится холода, несколько дней назад он простудился и уже вернулся в свою комнату. Может быть, мне позвать его, чтобы он проводил тебя?»

Юй Линсяо услышав это, как он мог еще настаивать на том, чтобы Таоюй его проводил, и переменял тон: «Не нужно, дядя, пусть Таоюй хорошо отдыхает, будет плохо, если он снова простудится».

«Хорошо».

Цзи Янцзун проводил его, и когда вернулся, чувствовал себя немного расстроенным, и шагал быстрее.

«Получив звание, он действительно изменился. Он так занят, приезжает и уезжает. Прошло уже много дней с тех пор, как он сдал экзамен, и только сегодня пришел сообщить радостную весть, не говоря уже о другом. Зачем ему беспокоиться о пире дома, эти дяди из семьи Юй все ему устроят как надо».

Не приходил столько времени, ни слова не сказал о браке, зато все время хотел говорить с Таоюем, он действительно пользуется возможностью.

«Это и академия, и родственники, и чиновники из префектуры, которые будут устраивать банкеты для новых цзюйжэней, Юй Эрлану неудивительно быть занятым. Вероятно, он тоже не хочет говорить о сватовстве так поспешно».

Хуан Маньцзин успокоила его: «Через пару дней, когда пойдем на пир, там будут обе семьи, думаю, тогда и объявят, разве не будет это более прилично. Зачем тебе торопиться на один-два дня».

«Я не тороплюсь выдать Тао гера замуж, я был бы рад, если бы он мог остаться дома навсегда, но это все-таки нереально. Хорошо, что в этом году он может избежать налогов под покровительством цзюйжэня, если нет, то ничего страшного, в конце концов, не только в этом году нужно платить налоги, год за годом так живем, разве не справляемся».

Цзи Янцзун, услышав слова жены, немного успокоился: «Я просто беспокоюсь, что в этот критический момент что-то может измениться, и семья Юй не покажет своей позиции. Хотя Сяо Таоцзы еще молод, он не может ждать вечно. Я не знаю, может быть, из-за того, что с Сяо Таоцзы недавно что-то случилось, я ночью всегда сплю беспокойно».

Хуан Маньцзин сказала: «Ты растил этого ребенка с самого детства, и я вижу, что он неплохо относится к Сяо Таоцзы, у них, должно быть, есть чувства. Эрлан не должен измениться после получения звания и отвернуться».

«Кто знает, что может случиться в мире, давайте подождем и посмотрим. Через пару дней соберутся жители деревни, состоится ли этот брак или нет, будет видно в тот день».

Цзи Янцзун, успокоившись, собирался войти в дом, когда снаружи послышался голос работника: «Староста, мать Чжао из семьи Чжао говорит, что просит вас зайти к ним».

«Что случилось? В такой сильный дождь».

Цзи Янцзун повернул голову и крикнул.

«Говорит, что хотят признать родство, и просят вас быть свидетелем».

«Признать родство?» Брови Цзи Янцзуна дрогнули, он вспомнил, что Хо Шу приходил раньше и ушел ни с чем: «Тогда я должен пойти посмотреть».

Осенний дождь был прохладным и затяжным, в дождливую погоду обычно делать нечего.

Цзи Таоюй попросил Хуан Маньцзин сварить ему на ужин согревающий бараний суп, а затем укрылся в своей комнате. Он закутался в толстое одеяло и лежал на кровати, просматривая медицинский справочник, который не дочитал пару дней назад.

Но он не мог сосредоточиться.

Сегодня он встретил Юй Линсяо и обнаружил, что тот стал, кажется, еще более привлекательным. У них была редкая возможность много поговорить, по идее он должен был радоваться, но почему-то не чувствовал себя счастливым.

Раньше, когда у Юй Линсяо были выходные и он возвращался в деревню, он тоже приходил к нему в гости, родители не препятствовали их встречам. Войдя в дом и закрыв ворота двора, они могли сидеть вместе, пить чай и есть фрукты, но никогда не ели вместе, как сегодня, после чая.

Получив такую долгую возможность побыть вместе, они, однако, не особо ладили. Таоюй заметил, что после того, как Юй Линсяо получил звание, он, кажется, стал менее скромным и вежливым, чем раньше, или, может быть, это было его иллюзией.

Сегодня за столом он сказал: «В последнее время многие купцы в городе хотят устраивать банкеты, просят писать для них каллиграфию. Даже владелец того магазина тканей «Десять ли» в городе прислал приглашение. Я подумал, что их шелк неплохой, и хотел воспользоваться этим, чтобы привезти тебе несколько отрезков, но потом подумал, что хотя эти люди богаты, по сути они всего лишь купцы, с которыми не стоит заводить дружбу, поэтому я не послал ни одного иероглифа. Когда приду, я сам куплю тебе шелк».

Он также сказал: «Осенью в городе много литературных собраний, и приглашений тоже много. Тогда я возьму тебя с собой посмотреть, будет весело. Я слышал, что многие высокопоставленные чиновники из префектуры тоже приедут, и ты расширишь свой кругозор. Я также подготовил для тебя много стихов, можешь сначала посмотреть и подготовиться, не листай все время свои медицинские книги».

В общем, он много говорил, и его слова были несколько предвзятыми и циничными.

Цзи Таоюй не знал, то ли они раньше редко виделись и мало знали друг друга, то ли он недавно испытал успех, и от этого его характер немного изменился, или что-то еще.

Он свернулся калачиком под одеялом, не перевернув ни одной страницы книги, и его настроение было немного запутанным.

Только он собрался закрыть книгу и немного поспать, как услышал сквозь шум дождя громкий голос отца, разговаривающего с работником снаружи.

Брови Цзи Таоюя слегка приподнялись, он высунул голову из-под одеяла.

Так быстро пошли этим заниматься?

Услышав, как мать кричит отцу, чтобы тот надел соломенный плащ, Таоюй подумал о мокром дожде и невольно вздрогнул, снова свернувшись калачиком в одеяле.

Тот человек выглядел довольно холодным и упрямым, но оказалось, что он довольно восприимчив к словам, только сказал, и тут же поспешил сделать дело. В его сердце появилось небольшое облегчение.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281172>